

16+

Илья Славицкий
Трое у реки

Илья Славицкий

Трое у реки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42649535

SelfPub; 2020

Аннотация

Краткая история далёкого и недалёкого вчера. Субъективные заметки очевидца.

Содержание

Первый: Исход	4
Часть первая. Лестница в небо	4
Часть Вторая. Водолаз на пляже	14
Вместо Эпилога	21
Второй: Приход	22
Часть первая. Волшебная сила искусства.	22
Часть вторая. Быть собой.	32
Третий: Поход	39
Часть первая. Тайное становится	39
Часть вторая. Копья царя Соломона	44

Первый: Исход

Часть первая. Лестница в небо

День обещал быть жарким, хотя солнце ещё только-только показалось над дальними холмами. Моисей спешил – надо было успеть к утренней планёрке – обычной на строительстве очередного канала, где юноша недавно получил должность писаря-учётчика.

Песок под сандалиями скрипел. Издалека едва был слышен стук молотков строителей очередной усыпальницы то ли фараона, то ли его очередной жены. Кажется, этот шум никогда не затихал. Конечно, и усыпальницы нынче не те, да и фараоны, если честно...

Моисей вздохнул и припустил почти бегом. Опозданий бригадир не прощал, и можно было легко остаться без недельной премии.

Что-то мелькнуло в воздухе слева и вверху – птица ли, ветер? Он не успел понять, как его нога налетела на плоский блок песчаника, какими облицовывают стены богатых домов, непонятно как оказавшемся посередине тропы. Еще мгновение, и он полетел лбом вперед, прямо в торец блока побольше.

– Скрижали? Какая сволочь кинула ТУТ скрижали? –

всплыли в его ушибленном мозгу непонятные слова.

Трепыхание белых крыл в синем небе – последнее, что успел увидеть Моисей перед тем, как уйти в отключку.

<<<>>>

...Вокруг было всё белое – облака или снег или просто сияние невидимых ему лампочек. Было холодно, как зимой в горах, но холод не был враждебен. Напротив, казалось, что прохладные струи обволакивают его и влекут. Влекут куда?

В вышине он увидел... Собственно говоря, что там увиделось в вышине, Моисей не мог вспомнить никогда, но в голове у него зазвучал голос, похожий на голос Главного Писаря, только гораздо громче:

– И бысть тебе Пророком народа твоего, и Проводником народа Твоего, и Учителем народа твоего. И поведёшь ты народ свой всё прямо и прямо, а потом налево, а потом я тебе снова явлюсь.

Потом голос опустился почти до шёпота, так что последние слова Моисей почти не расслышал за нежным звоном непонятно зачем зазвеневших серебряных колокольчиков:

– Не делай... Не произноси... Почитай...

...Тут снова стало тепло, даже жарковато – солнце было почти в зените, когда Моисей открыл глаза и обнаружил себя лежащим мордой в песке, а на лбу здоровенную шишку. Кстати, очень болезненную.

Но хуже всего было не это, а то, что вне всякого сомнения он сегодня опоздал на планёрку, и быть ему эту неделю без

премии, если вообще не отправят в погонщики ослов – рабам баланду развозить.

Кряхтя, он поднялся, вытряхнул песок из-под куска ткани, опоясывающей бёдра, и побежал вперёд.

– Чтиии... Отцаааа... Своегоооо... – последним вздохом ветра донеслось издали.

Серебряные колокольчики в голове продолжали звучать, потом стихли окончательно.

<<<>>>

Прибежав на берег недостроенного канала, он обнаружил в сборе всю бригаду, сидящую в тени пальм и пьющую пиво. Бригадир, чьего неизбежного гнева Моисей ждал, как кары небесной, нигде не было видно.

Оказалось, что прежние чертежи, по которым бригада рыла канал, были неправильными, и что всё это придётся зарыть обратно. Но это ещё полбеды. Оказалось, что бригадир получил от землемера взятку за подмену папируса с чертежами. Но и это ещё не вся беда. Землемера назначил Наместник... Теперь их всех отправят кормить Священных Крокодилов в качестве корма. Или еще хуже – чистить отхожие места невольников на строительстве очередного Храма. Невольников кормят горохом и отжимками ячменя, оставшимися от варки пива, и запах там...

Нубиец Боно говорил и говорил, вода в Ниле журчала, пальма шелестела листвой. Шишка болела, но Моисей этого не замечал.

Сам, Тот Который Един, который выше Озириса и Ра, взял его, Моисея под свою защиту. А это стоило шишки на лбу.

<<<>>>

... Прошло несколько лет. Юный Мойша подрос на казённых харчах, его плечи стали шире, голос громче. Поговаривали, что не сегодня-завтра быть ему Бригадиром, а там и до Помошника Старшего Писаря рукой подать. От давнего удара лбом о каменную глыбу осталась отметина. Боль, конечно, прошла, но то ли поэтому, то ли ещё почему-то, осталась привычка обходить подальше тяжёлые предметы. Впрочем, какие на строительстве каналов тяжёлые предметы? Лопаты, да тачки, да песок, да вода...

И ещё одна тайная мысль, даже не мысль, а идея, и даже не идея, а так – проблеск чего-то, до поры невнятного, но от этого не менее мучительного, жужжала в голове юного строителя провинциальных каналов.

– Я – Пророк? Я – Проводник? Я – Учитель?

...И вот, наконец, он настал – Этот День.

Дюжина сильных рабов внесли Моисея, нового Младшего Помошника, усыпанного лепестками лотоса и умасленного всеми известными и некоторыми неизвестными ему маслами, в его новую Резиденцию – как раз рядом с Резиденцией Самого.

Надо сказать, что к этому дню Моисей шёл трудно, но упрямо. Слова, словно Пепел Отца еще ненаписанного Шпигеля, стучали изнутри его черепа. Иногда этот стук даже про-

рывался наружу, что в условиях шумной стройки было не очень заметно, однако в тишине кабинета, укрытого в тени Фараоновской Пальмы могло вызвать непонимание.

Обладая крепким характером, путём долгих ночных упражнений он научился несколькими полезным по жизни приёмам. Конечно, никакими приёмами нельзя заглушить Слова Его, вбитые облицовочной скрижалью в глубины подкорки, но можно сделать так, чтобы другие, пока ещё недостойные, не слышали этого набата.

И он придумал метод Говорения-о-Неглавном, который много тысяч лет вперёд снова откроет неизвестный ему штандартенфюрер Штирлиц, зачем-то скрывавшийся под именем Тихонов. Да, Моисей всё же был истинным Пророком!

Слыша начинающиеся удары внутри головного убора, украшенного змеями и крупными рубинами, полагавшегося ему отныне, он вздымал руки, падал ниц или, напротив, если обстоятельства позволяли, гордо воздымался и начинал говорить о недопоставках строительного тростника, некачественном песке, падеже рабов и скота, ленивых Бригадиррах...

Так он мог говорить, если надо, часами. И это давало свои плоды. Его снова заметили, теперь уже из Офиса Светлейшего и Солнцеподобного.

Огромная ладья, направляемая умелыми матросами и сотней гребцов перенесла его на тридцать дневных перехо-

дов на север, вниз по течению Великого Нила, и вверх по течению Жизни.

<<<>>>

Офис Солнцеподобного ослепил его, привыкшего к роскоши провинциальных присутственных мест, но не выдавшего ещё Истинного Солнца.

Его головной убор стал вдвое выше, помост с креслом из ливанского кедра – втрое шире, рабынь с опахалами – вчетверо больше. Но это не шло ни в какое сравнение с тем, что он видел вокруг. А в вышине, на верхнем ярусе Офисной Пирамиды...

Нет, туда он старался не глядеть – боялся, что украшенный изумрудами с кулак и прочими мелкими камушками шлем свалится с его уже начавшей проявляться лысины – печальному, хотя и неизбежному следу прошедших лет и борьбы.

Постепенно он начал понимать тайные течения и ходы, иногда вспенивающие тихие офисные воды, но чаще всего скрывающиеся в глубине, подобно Священным, но от этого не менее опасным Нильским Крокодилам. Не раз и не два пришлось ему стать свидетелем трапезы, и не раз и не два он едва не оказывался на неправильной стороне этой трапезы.

Но, ведомый Самим, Тем, Который Всё, он избегал коварных водоворотов и порогов Судьбы, не плыл против течения, и порой, умело придерживал рукой свой челн, пропуская вперёд очередную неосторожную жертву чьего-то аппе-

тита.

Иногда, сначала редко, а потом всё чаще и чаще, Нега-
снущее Вечное Солнце на верхней ступени Пирамиды гасло.
Это было невозможно, во всяком случае, так учили Жрецы.
Но это было так. И это только укрепляло веру уже немоло-
дого Моисея в его Предназначение.

Солнца гасли и их носители отправлялись на тяжелых по-
гребальных колесницах в свой последний путь во владенья
Анубиса, и новые Вечные Солнца поднимались им на смену,
чтобы снова, в свой черёд, угаснуть под танец маленьких, но
таких забавных Нильских Ибисов.

Народ – и грубые погонщики ослов, и умелые камнетёсы,
и ловкие писари, и даже мудрые жрецы – первые разы пла-
кал, разрывая на себе одежды и принося в жертву ни в чем
неповинных животных и рабов, потом просто всхлипывал,
а потом, тихо повторяя непечатные иероглифы, собирался у
пивоварен...

Пива, однако, становилось меньше, каналы, ранее состав-
лявшие славу страны, мелели, рабы... Рабов стало совсем
мало, да и те, обнаглев, стали требовать второй кормёжки.

Правда, Пирамиды, пережившие тысячелетия, и видевш-
ие много чего, стояли. Пока. Но и к ним уже приглядыва-
лись заезжие с Запада, из далёкой Ливии, торговцы облицо-
вочными плитами.

<<<>>>

Очередное Солнце погасло так быстро, что обитатели вто-

рой ступени Пирамиды даже не успели ещё решить, кого наверх, а кого на обед. Это вызвало некоторую растерянность, переходящую в мандраш. Верх – верхом, однако стать обедом – кому охота? Второстепенные забежали взад и вперёд, но ширина ступени оставляла мало пространства для манёвра. Как это скажут потом, в тёмной глубине веков грядущих – Шаг вправо, шаг влево – обед, прыжок на месте – опаньки, а место-то уже занято!

И забило тут, застучало в глубине Мехового Шлема Моисеева, как это уже случалось не раз, но гораздо сильнее.

(А надо сказать, что по мере угасания Солнц и климат в стране Фараонов стал портиться, в связи с чем привычные с древних времён золотые Шлемы было решено заменить на несколько менее величественные, но гораздо более тёплые Шапки из меха таинственного зверя Пыжика, привозимые из далёких, пока ещё не открытых стран хитрыми хетами.)

Застучало под шапкой Моисеевой, подпрыгнул он, чтобы отвлечь внимание от постороннего в Офисе шума, да так удачно подпрыгнул, что попался на глаза одному из тех, кто маневрировал ступенькой выше.

– Ага! А вот имеется ещё предложение в Президиум – это так теперь, по современному, стали называть совет самых прожорливых обитателей второй ступеньки – А не запалить ли нам вон этого? Эй, малой, как там тебя? Геть к нам, не тушуйся, небось, не скушаем. Ну, может, потом, когда ежели...

– Ммммм-Мойша я, только и успел на лету выдавить из

себя Моисей, как цепкая волосатая лапа сверху подхватила его за самые эти, которые были опоясаны набедренной повязкой, и ласково, но сильно опустила его ступенькой выше.

– Ну что, товарищи, кооптируем? – услышал он откуда-то из-за спины – Кооптируем, кооптируем, ещё как кооптируем, – эхом откликнулось спереди и слева.

– А вот и нееее....– услышал он затихающий голос справа и снизу, а потом шмяк и сытое чавканье. Он было хотел испугаться, но в голове забило, застучало, зазвонило колоколами:

– Пророк! Проводник! Учитель!

Он зажмурился, рванулся и... Одним прыжком он преодолел пространство, отделявшее его от вожделенной Вершины. Здесь было пусто и холодно. Ветер, казалось, завывал со всех сторон.

– Ветер перемен! – прокричал он ветру, – И я, Моисей, избранный не теми, кто там, ступенями ниже, но Самим, Единым, Всемудрым, я выведу народ мой на Свободу, даже если придётся для этого не только вывести, но и извести его под корень.

– Перемен, мы ждём перемен! – ответил ему ветер голосом популярного акына.

– Махмуд! Поджигай – раздалось снизу, и он почувствовал, как запылала его обёрнутая хлопчато-бумажным полотном задница. Сказать, что это было неприятно, это значит ничего не сказать, но он стиснув зубы, как грядущий Джор-

дано, поднял оче горе и запел...

В газетах, уже придуманных, но всё ещё публикуемых на желтых папирусных свитках, за что их уважительно называли: Желтая Пресса – так вот, в этих газетах потом писали разное. Одни, что он пел «Барух Ата Адонай», другие, что «Обратно надо, к Карловым Корням», третьи, что про «Озириса с человеческим лицом». Тайна сия велика есмь, и вряд ли мы её когда-либо разгадаем...

Подпалённая верным Махмудом задница пылала в вышине. Снизу народу казалось, что очередное Вечное Солнце будет-таки гореть вечно.

Часть Вторая. Водолаз на пляже

...Время шло. Обожжённая задница постепенно огрубела, покрылась коркой. Давно сгоревшая набедренная повязка бывшего Младшего Помощника была заменена на новую – последнее слово техники и дизайна, детище закрытых лабораторий Храма Света.

За способность гореть, не сгорая, такие повязки в народе называли «Неопалимая купина», хотя, порой, некоторые граждане позволяли себе вольности типа «Неоголимая», а порой и похуже. Таких граждан сначала ловили и скармливали Крокодилам бдительные Стражи, но постепенно, по мере вымирания Священных Крокодилов и повального уезда Стражей в далёкую страну Эльдорадо, обнаруженную за открытыми неугомонными финикиянами Геркулесовыми Столбами, ловить мерзавцев, или, как их стали по современному называть, «диссидентов», стало некому, да и незачем.

Моисей, немного осмотревшись и поняв жесткую, но не такую уж и сложную возвратно-ступенчатую механику Высшего Офиса, отмяк, раздобрел, его и ранее заметная плешь стала крупнее, что, впрочем, не мешало ему порой появляться перед народом без положенной по статусу Пыжиковой Шапки, не говоря уже о дедовских змееувитых шлемах.

Народу это нравилось. Впрочем, что нравится народу,

Моисей, как назначенный Самим Пророк, Проводник и Учитель, знал и так.

– Главное – это начать. А если народу что-то не нравится, то это – его, народа, проблемы.

Так говорил себе, оставаясь один, ночью, при свете собственной пылающей задницы, неутомимый Мойша. А может, он говорил это не себе, а Ему. А может, и вовсе ничего не говорил, а, стиснув зубы, тихо матерился в потолок, и жаловался, что, мол, «трудно быть богом». И сверху, этажом выше, его понимали, но помочь никак не могли. Или не хотели?

И тут Моисея осенило – Эврика! – заорал он, и от этого крика вся огромная страна заговорила по-гречески, и еще на разных, уже открытых и еще только открываемых языках выражая свои непечатные чувства, обнаружив, что тысячами, еще со времён Древних Пирамид, варимое повсюду пиво стало вдруг ТАБУ. Ну, то есть не то, чтобы совсем, но почти, что для народа, воспитанного на Традициях, было смерти подобно.

Рытьё каналов, и так уже почти остановившееся, окончательно сошло на нет. Последние запасы кормового гороха были быстро истрачены сметливыми землекопами на производство «гороховки» – отвратительной бурды грязно-зелёного цвета, повергающей выпившего её в состояние улёта сознания. Многие, раз улетев, так и не вернулись.

Последние рабы, оставшиеся без кормёжки вообще, сна-

чала попробовали бунтовать, собираясь на площадях и стуча своими медными ошейниками по земле, но, поскольку это не помогло ввиду отсутствия как сил подавления так и вообще какого-то интереса к их существованию, просто разбежались кто-куда, утащив заодно лопаты с тачками. В соседнем Вавилоне это вызвало резкий всплеск строительства всяких садов, башен и прочих элементов роскоши.

Народ, которому по Плану, заповеданному Самим Им, следовало идти след в след за своим Проводником и Учителем, идти всё прямо и прямо, следуя линии на песке – почему-то всё норовил пойти кто сразу налево, кто направо, а кто вообще идти куда-то отказывался и занимался личным подсобным хозяйством. Невольно вспоминались времена прошлые, жёсткие, без экивоков этих, когда за такое могли и к крокодилам.

Моисей не спал ночами. Вопросы, тяжелые, как ударившая его в молодости плита, давили к земле, не давая взлететь ввысь, к облакам, туда, где виделся порой Светлый Образ Его.

– Народ мой! Ну почему ты такой...?

И непечатные иероглифы, пронзая мозг, сводили скулы.

Внизу, на ступенях пирамиды, продолжалась та же возня. Кого-то ели, кого-то спихивали. Правда, добавились и новые лица. Какие-то мордатые мужики в красных юбках от Армани и золотых цепочках в руку толщиной на голое тело арендовали половину третьей ступени и изрядный кусок ступени

второй. На Мойшу, не говоря уже о простых Главных Писарях, они вообще не обращали внимания.

Неожиданно Запад Четвертой Ступени объявил, что выходит из состава Пирамиды, и отныне – сам себе Пирамида. Его примеру было последовал Восток, но, по счастью, там как раз недавно появились Красные Юбки. На удивление быстро договорившись с оставшимися без дела бывшими Надсмотрщиками, Юбки организовали ополчение, и быстро всё разрушили.

Только Восток притих, как запольхал Юг. Юбки было опешили, но оперативно сориентировались, и частично переехали ближе к спокойному – «элитному» – Северу, а частично покрасились в зелёный и наладили торговлю жареными каштанами.

Но худшее было впереди.

Оставшиеся на Второй Ступени соратники, сначала спокойно ждавшие скорого убытия Вечно-Светлого в гости к Анубису, вдруг поняли, что он сел надолго. То ли недооценили они вначале термостойкость Моисеевой задницы, то ли свою собственную среднестатистическую выживаемость до и после обеда. В общем теперь, осознав, они резко разделились надвое – каждая со своим Планом.

шапки, и всем копать каналы, как деды копали от века. Гороху всем обещали, пива свежего.

– А Самого Солнцеподобного мы изберём из себя, чтобы по-справедливости.

И, надо сказать, не будь они излишне суетливы, может и получилось бы у них. Народ-то – он пиво ох как уважает! Но – поспешили, не рассчитали.

Моисей как раз уехал общаться с «электоратом» – это народ теперь так стали называть, наверное, в предвосхищении открытия электричества – и остался ночевать у тамошнего Наместника. А тут группоашники и вылезли прям на самую временно опустевшую Вершину.

– Мы, мол, Черезвычайно Положительные Спасители Отечества – и всё такое прочее.

На улицах – Боевые Ослы, сколько осталось. Народ притих – затылки чешет. То ли опять пиво вернут, то ли совсем на воду нильскую переведут.

Но только Спасители папирус-декларацию с края ступени читать закончили, ан тут их Группа Б и прихлопнула.

Группа эта подобралась вся из себя решительная – молодые второступенцы, а всё больше Писари помладше. Да и худо бы им быть нерешительными, коли им-то ничего и близко не светило в новых исторических условиях.

А провернули они всё по уму. Взяли, да и отменили Первую ступень. Как бы и нет её. Ну, то есть вроде есть, но вроде и нет. И быстренько так всю Надстройку пересчитали к новому Базису. Как учил всё еще неродившийся Карл. Ну и, на всякий случай, самым младшим писарям роздали копья и луки (без стрел правда), для пущей убедительности. Те неделю, наверное, вокруг новой группобэшной пирамиды

стояли, защищали. А от кого? Да разве в этом дело в такие времена!

Группоашников отправили сортиры чистить. Ослов украсили лотосами и вернули в стойла. Народ ликовал, допивая остатки теперь официально разрешенной гороховки.

– Неепонял?! – попробовал возразить Моисей со своей уже несуществующей Ступеньки в Небо, – А как же Я? А как же Скрижали?

– А иди-ка ты, мил человек, со своими Скрижалями, – отвечали ему снизу, как-то вдруг оказавшемуся сверху, – писать Скрижали – пуще простого, мы тут вон уже, команду собрали – молодые, реформативные, без комплексов. Они народ это не так как ты – за сто дней в чистое поле выведут и к Стенке Плача поставят.

Где-то вдалеке ревели зубры:

– Не сотвори – Не произноси – Помни...

Он собрал со стола листки с теперь уже ненужными планами перестройки всего, сунул их в карман пиджака и вышел из кабинета.

День обещал быть жарким, хотя солнце ещё только-только показалось над дальними холмами. Песок под сандалиями скрипел. Издалека едва был слышен стук молотков строителей очередной Лестницы в Небо.

Скоро осталась позади отменённая ступенька. Внизу бурлили, переливаясь из одной в другую, старые и новые пирамиды. Впереди лежал долгий путь, по которому ему пред-

стояло отныне идти одному. Всё прямо, прямо, потом налево, до встречи с Ним...

Вместо Эпилога

Едет не спеша бедуин по пустыне. Вдруг навстречу ему мужик – в маске, ластах, с аквалангом за плечами:

– Эй, бедуин, до моря далеко?

– Да километров пятьсот-шестьсот!

– Ну, нифига себе пляжик отгрохали!

Вспомнилось, почему-то.

Второй: Приход

Часть первая. Волшебная сила искусства.

...Голиаф рычал. Издалека, оттуда, откуда наблюдали большинство оборонявшихся, казалось, что этот рык исходит из пасти могучего льва. Пущенный умелой рукой дротик застрял в левом предплечьи гиганта и сломался почти у основания, и тот неуклюже, не выпуская из правой руки короткого меча, пытался вырвать остриё из кровившей раны. Края красной накидки Голиафа, словно флаги, полоскались на ветру, и казалось, что он объят пламенем.

Второй дротик ударил его прямо в запястье правой руки. Гигант издал крик боли, пошатнулся, сделал пару шагов в сторону обидчиков, выронил меч.

Еще несколько дротиков, пущенных с большого расстояния ударили его в грудь, а направленный умелой рукой камень из боевой пращи – прямо в лоб, чуть ниже кромки кожаного защитного щлема. Кровь из рваной раны залила ему глаза. Он упал на колени, потом, собрав последние силы, привстал...

Израэлиты издали радостный крик, и сначала медленно, а

потом всё решительнее двинулись вперёд. В этот момент из сомкнутых рядов нападавших вырвался один, совсем юный. Быстро пробежав половину расстояния, отделявшего его от рычащего от боли и удивления Голиафа, на ходу раскрутив петлю пращи с вложенным туда камнем, он на мгновение застыл – и вот уже гигант падает, получив несильный, но завершающий удар прямо в невидящий глаз.

Новый крик восторга пронёсся по рядам израэлитов. Остатки филистимлян, и так немногочисленные к этому времени, дрогнули и рассеялись в окружавших зарослях саксаула.

ПОБЕДА! СЛАВА ДАВИДУ – ПОБЕДИТЕЛЮ ГОЛИАФА!

Весть о падении страшного врага, поверженного храбрым Давидом, быстро облетела земли от моря и до моря, от пустынь Аравии до полей Междуречья.

Давид, еще вчера никому не известный юнец, присланный от щедрот царских с шефским концертом и случайно забытый, в основном занимавшийся сбором оружия, брошенного своими и чужими на поле боя, да мелкими услугами воинам постарше, в одночасье стал Символом Великой Победы.

– Неисповедимы цели и дела твои, Царь Вседержащий! Кто может предсказать, на кого упадёт выбор Твой, кто возвышен будет, а кто будет низвергнут с вершин и забыт потомками?!

<<<>>>

А началась это история в маленькой деревне, далеко от места кровавого сражения.

Давид пас отцовских овец и коз, упражнялся в игре на кинноре и прочих народных инструментах и мечтал о месте Придворного Музыканта при дворе какого-нибудь богатого и влиятельного вельможи.

Карьера пастуха, такого же, как его деда и отцы, его не прельщала. Но ещё неизвестно, как бы это всё повернулось, если бы не случай.

И было так:

Пропали козы. Немного, но достаточно, чтобы отец заметил и наказал. Гнев отца всегда вызывал у Давида приступы панического страха, поэтому он кое как запер оставшееся стадо в загоне и побежал по окрестным холмам на поиски.

Пробегав безуспешно целую ночь (лунную, по счастью) и день, усталый, он упал передохнуть у ручья. Тут услышал он шаги.

– Что за чёрт, – подумал Давид, и тут суковатый посох подошедшего опустился ему на спину.

Оглянувшись, он увидел всем известного местного бомжа – Самуила, или просто Шмулю-покажи-дулю, как дразнили его мальчишки.

Шмуля держал на коротком поводке пропавших коз и улыбался своей обычной кривой улыбкой.

– Здорово, сторож! Дрыхнешь всё, а вот я бате твоему на-шепчу...

Этого Давиду хотелось меньше всего. Он попытался вскочить, но тяжелый посох всё ещё упирался в спину.

– Слухай сюда, Давидка. Коз этих я возьму себе, мне за них в соседней деревне двадцать монет дадут. А тебе, мил друг, так скажу – беги-ка ты отсель побыстрее, пока я и всё остатнее стадо туда не свёл. И как прибежишь ты на ферму царя нашего, Саула (чтоб ему спалось без просыпу!) спросишь на кухне Натанчика. Кореш он мой, вместе от моавитян бежали. Скажешь – от Шмули Кривого, и вот эту маляву отдашь, он тебе поможет. Гадом буду – но станешь ты Царём Израильским. Ну, и меня тогда не забывай...

С этими словами протянул он Давиду клочок козьей выделанной кожи с еле заметными каракулями, прочитать которые Давид не мог по причине полной неграмотности. Протянул, свистнул, и быстро скрылся в ближайшем кустарнике вместе с козами.

Освобождённый Давид сел на камень у воды. Клочок кожи, выданный Шмулей, он завернул в край своей набедренной повязки и завязал крепким узлом. Потом, наклонился к воде, чтобы зачерпнуть воды – во рту пересохло от испуга.

И тут – из ручья – на него взглянул Кто-то – в золотой Царской Короне и богатых расшитых золотом одеждах. Это лицо было ему знакомо. Он отшатнулся – Тот, кто был в ручье, тоже отшатнулся. Давид протянул руку к воде – и увидел протянутую навстречу ему руку.

Неожиданно, налетел ветер, поверхность ручья покрылась

рябью, миг – и видение исчезло. Давид набрал воды в кожаную флягу, встал и не оглядываясь зашагал в направлении Саулова подворья.

<<<>>>

И ведь не обманул Шмуля! Натанчик – поварской подручный, как увидел маляву – аж в струнку вытянулся. Только что под козырёк не взял. Правда, козырька у него и не было. Быстренько руки, тестом вымазанные, о фартук обтёр, огляделся:

– Пошли, – говорит – за мной. Тут как раз местечко тёплое нарисовалось.

И пристроил Давидку прям в Палаты Самого, ну, пыль там вытирать, ковры вытряхивать и всё такое.

Давидка, несмотря на своё сельское происхождение, а может даже и благодаря ему, был парнем хватким. Прошло совсем немного времени, как его заметил царский Главный Шоумейстер, да и трудно его было не заметить – высокий, статный, идёт налево, пыль вытирает и псалмы поёт, идёт направо, ковры вытряхивает и окружающим санным девкам сказки говорит. А то сядет в тени смоквы, во дворе, и давай на гусях-кинноре плясовую наяривать. Даже одноногий сторож Беньямин – и тот, бывало, не устоит.

А как раз об эти дни царь Саул в очередную депрессию впал. Он и вообще-то был склонен к меланхолии, а тут – филистимляне, сволочи, покрошили его храбрый экспедиционный корпус, да еще прислали ему отрезанный хвост его лю-

бимого боевого осла.

Главный Зате́йник, чувствуя, что дело пахнет керосином (ну или там ладаном, всё одно – швах полный), велит послать за «этим, длинным, который на кинноре бацает».

Привели Давида. Саул на него исподлобья так зло посмотрел. Но ничего не сказал, отвернулся, зубами скрежещет. Зате́йник стоит рядом и дрожит.

– Ну всё, отпрыгался, – подумал Давид, но, на всякий случай вытащил киннору и запел. Про царя-батюшку, про цариц-матушек (их там при дворе дюжина, а то и боле обрелись), про прошлые и грядущие победы Саула-воителя и Спасателя и про то, что сам Тот, Кто Всех Выше, от Саула без ума. Пел, пел... Глянь, а Саул-то уже спит давно. Тихо так, уткнувшись носом в боевую пращу.

С тех пор и пошло – чуть что, зовут Давида. А потом и вообще определили ему место при царе, в уголке, там, где раньше жил царский любимый попугай. А попугая отставили подальше.

И так царь к Давиду привязался, что стал его прям сыном называть, даром, что своих, родных не перечесть было. Сыновьям это несильно нравилось, да кто их спрашивал?

А тут как раз опять филистимляне полезли. Да не просто так, к этому уже израэлиты привыкли. На этот раз они привели Голиафа, поставили его в самом центре, и прут, насмеваются:

– Ну всё, Саулово племя, теперь вам – хана! – и прочее

в том же духе.

Голиаф – это отдельная история. Росту он был таки да – немало, сажень косая, а то и с походом. Жил он в отдалённом моабитском селе, и, в основном, занимался сбором фиг с высоких деревьев, куда забраться без лестницы непросто. Был он силён, но в военном деле не обучен, да и не хотел он в военные. Зачем?

А тут подкатились филистимские посыльные:

– Голя, пошли с нами, мы тебе сыра свежего дадим, творогу, яблок, девки вот тоже у нас есть – сисястые, ласковые... – проси, что хочешь. А и надо-то тебе с нашими ребятами до израильских сходить. Туда – и враз назад. И – проси, что хочешь...

В общем, уломали, одели в доспехи – еле подходящие нашли, и то малы оказались – дали в одну руку меч, в другую – оглоблю от телеги, и поставили перед рядами наступающих.

Давида Саул как раз послал к своим передовым бойцам. Ну, вроде как с шефским концертом. Для поднятия чтобы. Да и забыл про него. А напомнить ему – побоялись, как бы чего не...

А дальше вы уже знаете – кончилось это для Голиафа неважнецки, зато Давид резко пошёл на повышение и скоро стал Царским Смотрителем Заиорданья – богатых пастбищами, но отдалённых земель царства Саулова.

Тут он отличился быстрым ростом куриного поголовья, отменой оброка, рытьём скоростного туннеля до самого от-

далённого овина и возведением высоченной крыши над своим Офисом – видной не только из-за соседней фиговой рощи, но даже и с другого берега Иордана. В народе эту крышу ласково прозвали – «Давидкина Фига».

<<<>>>

Быстро освоившись с новой должностью, Давид неожиданно обнаружил, что не всё так просто, как казалось ему с козьей фермы. Коз вокруг не было, зато козлов – пруд пруди, и козни их следовало принимать всерьёз, играть на опережение и бить не в бровь, а в глаз, причём лучше – в закрытый. Ну, последнее он уже опробовал на практике.

Прежде всего, Давид сблизился с сыном Саула, Ионафаном. По рекомендации нового приятеля, Давида перевели в столицу, и назначили Первым Секретарём-Смотрителем и, по совместительству, руководителем народного ансамбля гусяров.

А в это самое время во дворце и вокруг разворачивались эпохальные события.

Саул, окончательно сбрендив, решил проявить свою царскую власть и всё перевернуть с ног на голову. Чтобы всем было счастье, а ему, Саулу – благоволение...

Для начала он перессорился со жрецами, среди которых, к своему глубочайшему удивлению, Давид узнал своего давнего знакомого – Шмулю-покажи-дулю. Тот подмигнул в ответ, но ничего не сказал.

– Неисповедимы пути Твои...– прошептал привычную

мантру Давидка и был прав.

Затем Саул совершил несколько рейдов по окрестным царствам. Несмотря на отдельные победы, удачи это ему не принесло, напротив, в результате израэлитам пришлось оставить некоторые земли, занятые предшественниками царя. Конечно, подано это было как очередная Победа, хотя летящие в спины уходящих солдат камни и комья грязи оставляли мало сомнений в сущности происходящего.

Отчаявшись добиться успеха в своих военно-религиозных реформах, Саул решил обратиться к народу. Разрешил ему, народу израильскому, открывать собственные харчевни, а ежели кто и совсем шустрый – то и свечной маленький заводик. Из соседнего Ливана разрешили кедровую щепу возить, ну и всё такое.

Это тоже не помогло. Народ хотел, чтобы было – как раньше, но чтобы каждому по козе, жене и корзине фиг. И чтобы работать в два раза меньше. Некоторые правда, подсуетившись, пошли в гору, но народ их не любил и обзывал «новожидскими».

Для Давида это были тяжёлые времена. Господь, оделяя своего избранника, дал ему много – солидный вид, хитрость, гибкость, сметливость... И всё же, чего-то не хватало. Уж как Давидка старался попасть в струю – и жрецов хаял громче царя, и про новые инициативы помазанника громче его самого кричал – ан нет. То перекричит, то недохаит. Потом приходилось каяться, бить себя в грудь и обещать, что такое

больше ну совсем никогда...

Пару раз приходилось прятаться в дальних овинах – это когда осерчавший самодержец чуть лично не заколол бывшего певчего боевым копьём.

Хорошо ещё, Саул-батюшка был отходчив. Да и не до Давидки ему...

<<<>>>

Была поздняя тёмная Иудейская ночь, когда Давида разбудил стук в окно. Плеснув в лицо горсть-другую холодной воды, чтобы прийти в себя (голова страшно болела с вечерней трапезы у Начальника Дворцовой Охраны), Давид вышел на крыльцо. Там его ждал Самуил, с ног до головы укутанный в тёмную накидку.

– Пора! Вчера было ещё рано, а завтра будет поздно. Значит – сегодня! С нами – Он, Тот, Кто Всё Зна...

Голос говорящего прервался, он оглянулся и протянул Давиду кусок козьей кожи.

– Царём быть хочешь? Знаю, хочешь! Тут план и время. Только смотри у меня. Если что...

Последние слова донеслись уже из темноты, где исчез ночной посетитель.

Часть вторая. Быть собой.

Вернувшись в дом, Давид запалил свечу и развернул план. Обозначенное место было ему хорошо знакомо – там он не раз с другими царскими людишками охотился на диких баранов. И до Сирийской границы недалече... Что-то последнее время царёвы опричники стали шустрить – то с моста толкнут, то слухи гадкие распускают, что, мол, он сам себя – вилами, то осло-аварию подстроят. Тьфу, мерзавцы, мать их...

Однако, следовало спешить, чтобы успеть до рассвета.

...Все были в сборе. Вожди главных колен, уже изрядно принявшие на грудь ответственности за свои деяния, смотрели хмуро, но решительно. Виночерпии подливали, и это ещё более распяляло собравшихся...

– Саула – на сало! – мрачно гаркнул предводитель колена Иудова и занюхал горилку сушеной фигой.

– Гадом – буду! – подхватил его клич предводитель колена Гадова и икнул.

– Ну, чтоб всегда! – Давид как обычно умел быстро схватить суть момента, хотя и не всегда понимал возможные последствия. Впрочем, сейчас это было не важно. Важно было, что наконец сбывалось Шмулькино обещание – быть! БЫТЬ! ЕМУ! ЦАРЁМ! ИЗРАИЛЬСКИМ!

...Разбежались до рассвета, озарившего своим разноцвет-

ным сиянием рождение новой исторической реальности.

<<<>>>

И понеслась птица-тройка, о которой когда-нибудь напишет, а может, написал уже давно тому назад длинноносый печальный Гоголь...

Саул, ещё вчера наводивший страх на своих опричников и домочадцев, в одночасье превратился в смешного говоруна без потфеля. По инерции он еще пробовал метать, но копья падали на пол, скорее похожие на зубочистки, чем на боевое оружие. Соратников – как ветром сдуло.

Обиженный, не понимающий, что случилось и как – Саул отрёкся – впрочем, его отречение мало кто уже слушал.

Давидка ликовал! Во все концы державы (несколько урезанной, но всё еще изрядной) неслись погонщики фельдъегерских мулов.

Всем оставшимся в составе коленам было объявлено, что это узурпатор Саул завалил службу – поэтому стало более плохо, чем должно было стать по плану. Зато теперь – всё будет как обещано.

Воодушевлённый наконец обретенной независимостью от Иуд и Гадов народ израильский возликовал и единогласно проголосовал Давида на царство.

Не мудрствуя лукаво, Давид продолжил все, даже самые странные начинания скинутого только что предшественника – борьбу с наместниками-мздоимцами, сокращение аппарата писарей, увеличение казённых расходов на обучение гра-

моте несовершеннолетних козопасов (тут, несомненно, отозвались воспоминания о юных годах, проведённых новым Властителем в тиши лугов и полей).

Филистимлян, ещё совсем недавно злейших врагов, он объявил лучшими друзьями, отозвал последние, ещё сохранившиеся гарнизоны с их пастбищ, а предводителя их – Главного Херра – назвал своим лучшим другом и плясал с ним вприсядку народные танцы.

Херру и союзникам это нравилось. «Йя, йя, карашо» – говорил Херр, и присылал другу Давиду сливочное масло и шнапс в виде гуманитарной помощи.

Воодушевлённые всеобщим радостным Бардаком Свободы, сменившим прежний грустный Бардак Застоя, остальные Колена (из «верных», неотколовшихся) вспомнили о своих давно забытых корнях, восходящих то ли к Ною, то ли к самому Дереву Ж.

– А не Суверены ли мы перед Отцом Нашим? – вопрошали на площадях городов и деревень разом осмелевшие чиновники мелких рангов, потрясая клочками свитков и осколками глиняных табличек.

– Ешьте, сколько сможете, – кричал им в ответ Давидка, дотанцовывая очередную присядку под одобрительное уха-нье свиты.

Так бы всё и продолжалось к вящему всеобщему удовольствию, да тут Совет Старейшин, до сей поры радостно приветствовавший все начитнания сюзерена, вдруг взбунтовал-

ся. То ли съел чего, то ли просто надоело казённые стулья задницами полировать.

Давид, изумлённый таким предательством, вежливо попросил их кончать базар и, на всякий случай, приказал окружить Совет Боевыми Ослами и пращниками, как раз вернувшимися с филистимских земель.

Кончилось всё мелкой дракой, кое кто остался без глаза, кого-то посадили в яму, на серый хлеб и воду. Поляну вот, где Совет обычно собирался, попалили немного, но потом – почистили, и стала как новая. В общем, легитимность отстояли, даже – укрепили.

Правда, по мере роста легитимности почему-то снижалась урожайность. И так это стало не очень, что народ даже кое-где и роптать начал – мол уже набедренные повязки с чресел спадают.

Надо было что-то срочно делать. Тут, как раз в очередной раз полыхнула на юге – в горах на границе земель аморетских. Непокойно тут было уже не один год, но, до поры, можно было договориться с местными вождями, заслав им кож, коз и б.у. ковров из дворца. А тут, в нарушение всех прежних договорённостей, местные возьми, да и напади на соседнюю израильскую деревню.

Давид сильно обозлился, да и случай удачный. Корпус лучников, да корпус пращников, да Ослов Боевых – собрали по всем коленам – и на юг. Народу положили – немеряно, да всё – никак. А тут на носу выборы всенародные. Замирились

на скорую руку, обнялись...

Выборы Давидке были и вовсе ни к чему. Как козе – баян. Он и так – самый легитимный и всенародный. Но народ израильский – он ведь ещё с древних времён – еврей на еврее. И всё ему не так. Вспомнили, как при древних законах было хорошо – и каждому по миске гороха, и молоко козье беременным с тремя детьми, и бесплатные знахари. И как все вокруг боялись, что не дай бог... Идиллия, в общем.

Лидер у них, тоскующих, объявился. Знакомый, конечно – вместе Саулу пыль вытирали, только он музыке был не обучен, потому так и остался на уборочных должностях. И это его сильно напрягало.

Давид попервоначально это всё с улыбкой слушал, когда ему Начальник Тайной Канцелярии докладывал – улыбка такая хорошая, широкая – не зря её народ любил – а потом улыбаться перестал, и даже где-то потерял вкус к ежеутренней стопке.

Времени оставалось мало. Пришлось по-быстрому, на скорую горячую руку кого – вниз, кого – вбок. Однако, пронесло. Хотя – просвистело совсем рядом.

Этот свист уже никогда больше не затихал в когда-то белокурой, а теперь поседевшей голове Давида. Он ещё улыбался, обнимал незнакомых женщин-депутатов, веселил труднопереводимыми шутками заморских предводителей, назначал и переназначал министров и генералов, но не было больше радости в душе его.

– Бог мой, почему отвернулся ты от меня? – вопрошал он всё чаще и чаще, но не было ответа ни на дне пустого стакана, ни в глубине круглого и слепого, как глаз падающего Голиафа, глаза телекамеры, через который всем видимая улыбка его и видимая лишь самым близким боль его летели в мир, который лежал на его плечах – плечах беззаботного мальчишки-козопаса.

<<<>>>

«Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем»

Кто сказал эти слова? Тот ли, кто придёт на смену, или тот, кто жил тысячелетия назад. Или они просто звучат в душе – вечным напоминанием страждущим и успокоением отчаявшимся?

Холодным зимним вечером, когда каждый, у кого был очаг, старался сесть поближе к огню, а у кого очага не было, с тоской смотрел в освещенные окна счастливых – в этот вечер не стало Царя Давида. Не стало как-то рутинно, без особых потрясений. Так же, незаметно, ушел когда-то Царь Саул. Народ, уже давно привыкший ко всему, крякнув, опрокинул по стопке за «чтобы всем», занюхал кто фиником, кто огурцом солёным, немного посудачил по поводу Преемника, и, набрав нужный градус, лёг спать.

Проснувшись наутро, многие и не вспомнили вчерашнее, а если и вспомнили, то так:

– А что это нам такое спьяну привиделось?

Не привиделось. Новая эпоха начиналась под хлопанье шампанского, тосты и оливье. Куда приведёт этот путь? Где завершатся тысячелетние странствия народа, идущего поперёк, идущего вопреки, с глазами на затылке и звездой во лбу, народа, коему Царь Давид был плотью от плоти...

Козопас, гусяр, выпивоха. Человек без маски. Дитя времён, ушедших навсегда.

Третий: Поход

Часть первая. Тайное становится

Молодой человек без особых примет шёл по узким улицам Дамаска, стараясь привлекать к себе как можно меньше внимания. Пепельно-серая накидка покрывала его с головы до пят, оставляя открытой лишь правую руку. Он только что прибыл в город-водоворот, где сталкивались, пересекались, бурлили потоки людей, товаров, денег и информации со всех концов света. Он оставил караван, доставивший его сюда, на расстоянии полудневного перехода от городских стен и оставшийся путь прошёл пешком, и в город он проник не через Главные Восточные ворота, а через узкую, неприметную для большинства калитку в стене.

Молодой человек направлялся к Израильско-Сирийскому культурному подворью, где ему отныне предстояло служить в качестве Смотрителя.

Это была его первая длительная командировка за рубежи родной Иудеи, хотя ему уже и приходилось бывать вне её благодатных просторов. Но в этот раз всё было иначе. Он прибыл под своим именем, с папирусом в складках плаща, сообщавшим всем интересующимся, что «Податель сего действительно является Соломоном, урождённым в г. Иеру-

салиме такого-то числа от своих собственных Отца и Матери, назначенный Смотрителем...».

Зачем понадобилось идти пешком по пыльной козьей тропе вместо того, чтобы ехать с удобствами на верблюжей спине, Соломон не знал и сам. Видимо это вошло в его плоть и кровь за годы непрерывных упражнений. Впрочем, у каждой божьей твари – свои тараканы, а лишняя предосторожность – ещё никому не навредила...

...Информация к размышлению:

Соломон, оперативная кличка – Умник. Назначен резидентом Моссада в Дамаске. Оперативные задачи – сбор данных о филистимском влиянии на анти-семитское подполье в Иудее, Израиле и прочих местах компактного расселения. Характер – не положено. Привычки – не положено. Свободно владеет Херровским языком и ныряет с аквалангом и без. Чёрный пояс по Хурритскому беспределу.

<<<>>>

Подворье встретило Соломона каким-то наивным ослабленным покоем. Полуголые танцовщицы народных танцев живота, ленивые глотатели огня, полулежащие с кальянами на импортных Парфских коврах, толстые представители местной, прикормленной предшественниками «элиты».

Да, служба обещала быть скучной, но ведь не для развлечения он сюда прислан, а Родину защищать! И он её защи-

тит!

Молодой человек вздохнул и попросил принести архивные папирусы за пять предыдущих лет, кальян и чтоб никто не беспокоил.

Шёл две тысячи восемьсот какой-то год от Сотворения, большие беспокойства назревали на родине Соломона и окрест, а он курил ненавистный кальян и читал сообщения агентов о наружном наблюдении за жидами-диссидентами.

<<<>>>

Несколько лет пролетели, как один день. Немного информации сохранилось с тех пор о занятиях Соломона – но всё же кое что уцелело в вихре времени и, хотя бы косвенно, говорит нам о незаурядных умениях и успехах подзащитного.

Затеянный просветленным (или, как многие думают и досель – сбрендившим) Саулом вывод гарнизонов из окрестных земель затронул и Зону Особого Внимания резидента Умника. Пришлось ему помотаться по пыльным дорогам Сирии, Ливана, Филистимии и других мелких уделов, создавая информационный шум, скрывая причины и следствия, и выдавая белое за деревянное. В конце концов, он сам запутался так, что отзыв на Родину воспринял как награду.

Впрочем, он и так не был обойдён Всевышним, получив очередную кисточку на пояс, новые сандалии, и бронзовую брошку «За Заслуги Перед» (перед кем конкретно из сообщений указано не было).

<<<>>>

Дома всё бурлило. Его бывший ребе стал Городским Головой. Умник Соломон быстро вычислил, что хорошее место под крылом у старого учителя лучше отличного места под носом у Саула, перманентно грызущегося с Давидом и компанией. Вероятно, как раз в это время на не очень уже молодого, но перспективного специалиста обратил внимание и Сам Самуил – Шмуля-делатель-царей.

Быстро прибрав к рукам потоки всего, проходящие через вверенный ему под негласную защиту Город Трёх Перлюстраций, Соломон стал незаменим и для своего ребе, и для всей остальной городской мишпухи. Помогли как старые, наработанные еще в Дамаске связи, так и новые, аккуратно привязанные умелой рукой к широкой ловчей сетке.

Но не только умение управляться с тайным отличало Соломона. Удивительное чутьё помогало ему выбирать правильную сторону мордобоя, и если синяки иногда и появлялись на его лице, то это были синяки под глазами – следы долгих бессонных ночей на благо...

– Пал! ПААААЛ проклятый тиран и его сатрапы!!!

Это Умник Соломон плечом к плечу с Городским Ребе стоит на трибуне в дни ухода Саула и прихода сменившего его Давида.

И это не осталось незамеченным. Шмуля ли подсказал, или иначе как-то свершилась воля Его, но возлюбил стареющий Давид Соломона, паче аки и понеже сына своего.

Не удивительно, что в трудную минуту, когда Благодать

Божья отвернулась от Ребе-Градоначальника, и Соломон пребывал в полных непонятках – куда? к кому? как? – добрая отеческая длань подхватила его, приблизила, обогрела и определила на сытное место Замупра по всем делам Самого Венценосного с отметкой в Личном Деле в виде шестиконечной звезды, что означало: Золотой Резерв.

И оседлал Соломон волну удачи, и подхватила его волна, и понесла его всё выше и выше и выше, туда, откуда глядели на него добрыми глазами отец Давид, да дядька Самуил, да Тот, Кто Превыше Всего.

И вот уже тайная звезда немолодого, но ещё и вовсе не старого замупра, начконтроля и сексовбеза засияла на груди Первого Министра, чтобы холодным зимним вечером подняться еще выше, туда, где её позже назовут Вифлеемской, а сейчас Звездой Соломона – нового Сюзерена и Преемника уходящего Отца.

Часть вторая. Копья царя Соломона

– Ох, нелегка ты, шапка Мономаха, тьфу ты, Израиля... Нет, тфу, забыл. Надо будет пробить по картотеке, чья там у нас шапка...

Так думал молодой повеса летя вперёд на почтовых...

Нет, и вовсе не так!

Так думал очень серьёзный мужчина в самом расцвете лет, чинно откинувшись на заднем сиденье президентского Мерседеса, несомого двумя дюжинами крепких еврейских парней по направлению к Иерусалимской Царской Резиденции. А думать было о чём, и происхождение недавно возложенной на его голову короны было тут не самым главным.

Опять поднялись беспокойные аморитяне, подогреваемые Фараоновыми засланцами. Хочешь не хочешь – а вопрос надо решать.

Распоясались олигархи – скупили все газеты и сарафанное радио, Самодержцу и выступить перед народом негде. Тоже надо решать.

Доходы от экспорта елея упали вслед за ценами, убитыми подлым демпингом финикийцев.

Мастерские по выделке верблюжих седел стоят по причине разрыва связей с отколовшимися Гадо-Иудами.

Решать, решать, решать...

Порешить бы их, сволочей, всех разом! Нет, нельзя. Права

Человека и прочие новомодные выкрутасы.

И евреи эти, которые мой народ... То им Демократию подавай, которую ещё даже греки не придумали, а то наоборот – давай им Тиранию, почище поздне-Римской. И как их всех к общему знаменателю подвести, не изведя нафик?

Вот ведь угораздило воцариться! Нет, чтобы в том же Дамаске, или хоть в Ниневии какой...

<<<>>>

За этими тяжёлыми думами день за днём дорога во дворец пролетала незаметно, однако постепенно в умной голове Соломона начали складываться кусочки Плана.

Первыми это почувствовали мятежные амореты. Посланный на разборку с ними экспедиционный корпус раскатал часть вверенной его заботам территории в песок, а на оставшейся понастроил выгребных ям, в народе именуемых «сортиры». Идея операции, довольно нетривиальная, заключалась в том, что мятежники просто отстали в своём коммуналном развитии, и новая выгребная инфраструктура поможет им быстро перескочить в современность. Отчасти это сработало, особенно после того, как вновь избранный всеаморетским демократическим голосованием назначенец Иерусалима – шейх Кейдар, на оставшиеся от первоначального освоения субсидии из Центра начал покрывать стены сортиров сусальным золотом и росписью в традиционном стиле.

Затем настала очередь безмятежно почивающих на меш-

ках с наворованным олигархах.

После умело проведённого упреждающего удара по папирусоимпорту, кожеобработке и лицензированию услуг переписчиков, их сначала оставили без утренних газет, а затем и без сарафанного радио, объявленного Царёвым Словом и Делом...

Последовавший за этим отъём мешков с золотом, мехами, парчой и прочими ковровыми изделиями был уже чисто делом техники. Всё равно никто ни о каких деталях, кроме немногих, спущенных Свыше, и не узнал. Конечно, возвращённые народу мешки тут же были переданы в хорошо проверенные надёжные руки, чтобы служить Отчизне в лице её Самых Достойных Представителей, а не так, как раньше, каким-то случайным жидам.

Настала, наконец, очередь Государства Израильского. Умник думал день и ночь, в компании с такими же другими Умниками. Идея Демократии, как призрак Коммунизма, грозящий через три тысячи лет захлестнуть далёкую, варварскую, ныне ещё дикую Запеллопонессию, будорожила народ-богоносец, это беспокоило Самодержца и иже с ним.

Решение было найдено простое, как мычание козлёнка. Поскольку Демократия ещё даже не открыта у себя на родине и ждать этого неудачного зигзага ещё лет этак пятьсот, то назовём-ка мы Демократией то, что сами сейчас и пропишем. Ну, на всякий случай, чтобы там без проблем с будущими Копирайтами, назовём-ка мы своё изобретение Суве-

ренной-Демократией. Так и сделали. И увидели они, что это – хорошо.

И был вечер, и было утро. И все вдруг узнали, что вот так, как уже есть на земле Обетованной – это и есть – Демократия Суверенная. Но не в смысле, что у неё есть Суверен, а совсем даже наоборот – это Суверен есть у Демократии. А которые не понимают – то это колонны всякие, Фараоновы засланцы и всё такое и место им у параша, чтобы не чирикали. «У параша» – это вроде как намёк на расцвет Аморитании.

И так это всё славно закрутилось – прямо как песочные часы. Голова-ноги-голова-ноги. Сегодня избиранец-депутат левый, а завтра – правый. Сегодня он за Свободу, и завтра – тоже, но свободу для уже других слоёв еврейского населения. Ну вы же сами должны понимать, что это – справедливо, именно так работает Демократия. Наша. А другой-то пока и нет.

Тут потихоньку елей подорожал, налоги снова потекли, и в казне завелись монеты. Ну, само собой, не лежать же им без дела. Тут же образовались Товарищества По Экспуатации Казны. Из самых приближенных и Самим посаженных. Немного тайные, но без особого рвения к этому. Незачем, в новых-то исторических условиях. Тем более, что и так всем хватает, и Нашим и ненашим. Демократия, в общем.

Народ стал сытее, раздобрел и подобрел. Толстые – они все добрые. Это худые – злые. Вон эти, которые против – все, как щепка. Такое стало общественное мнение.

– А Сам-то, который Наше Всё – не такой, – пытались возразить шибко умные.

– Ну, ты брат, загнул, да в его облачных далях и всё вовсе не так, как у нас, – отвечали ему собутыльники и соседи по Анатолийскому пляжу.

Не всем, конечно, удавалось попасть в Анатолию. Ну, те кого Благодать не вполне осияла, отправлялись в райцентр, на концерт заезжего Иосифа из столицы.

Зато напитки заморские появились ну прям везде. Хоть посреди пустыни встань, руку протяни, и как раз тебе хошь текила, хошь абсент, не к ночи будь помянут.

И так это всё еврейское население к сытости своей привыкло, что звоночек первый, прозвеневший из-за бугра Сирийского, никто толком и не расслышал.

Елей опять пошёл вниз. Традиционные устойчивые к износу кожаные сёдла, полный цикл производства которых был наконец вновь налажен, вышли из моды, уступив место более дешёвым и лёгким моделям с Крита. Вновь проложенные караванные пути стали нередко обходить Землю Обетованную.

Народ покряхтел, и отложил покупку нового осла, ограничившись старым, но еще бегающим так, что «огого!». А те, кто всё же напрягшись ослов покупал, стали всё больше предпочитать животных местного выпаса, вместо более статных, но кусающихся экземпляров сборки финикийской. Некоторые вспомнили о бабушках в деревне, стали вместо далёкой Анталы посещать близкую Рахилю, тем более, что

там и климат роднее, и козы свои, органические.

Мир вокруг незаметно, вершок за вершком, капелька по капельке – но менялся. Менялись злобные ранее филистимляне, наладившие союз с финикийцами, ахейцами, египтянами и даже дальше, с обитателями таинственных земель за Геркулесовыми Столбами.

Отпавшие как бы по злому недоразумению братские колена ну никак не хотели идти назад, хоть им колена выверни. Это вызывало боль и непонимание даже у самых передовых слоёв оставшихся верными израэлитов.

– Они же – братья! Они же – это мы! Они же... Да как же без праматери. Иваны они, отца Аврама не помнящие...

Ну и прочее в том же духе. Безо всякой усмешки со стороны летописца.

Печален был Соломон, слушая все эти стоны земли еврейской, плоть от плоти которой, с молоком впитавший и пр.

– О, Отец наш, за что послал ты нам эти испытания? – хотел было возопить одинокий Светоч, но губы сами сложились в неподходящее величию сцены, хотя, конечно, гораздо более близкое к Истине:

– За что послал ты нас на?..

И в первый раз не получил Соломон ответа от Него, и впал он ещё глубже в печаль.

Но конечно был, был ответ. Он, Тот, Который Всё, даёт ответы на любые вопросы. Не всегда только вопрошающий их умеет расслышать...

Забурлило, запылыхало колено Иудово. Одна половина решила налево, другая – направо. Летописец здесь особенно внимателен в выборе слов. Не «назад»-«вперёд», как многие поздние переписчики могут напутать, а именно «налево»-«направо». Такая у них там в тот момент сложилась география с социологией. Демократия у них еще только зачалась, и до родов было не девять месяцев, а трижды три года, это если повезёт. Попробовали сочинить Суверенную демократию местной сборки, да поздно было уже.

Как всегда, подкатили помошники и советники. Делайте то, не делайте это. А народ то там всё же простой, еврейский, хоть и к Дамаскам всяким более близкий. Вместо недоношенной Демократии вылезли на свет всё те же родные, еврейские грабли, на которые все кому не лень с гиканьем и рваньём своих и чужих чубов стали прыгать. Да не по разу. За грудки хватать. Это такая народная еврейская забава – хватать кого не попадая за грудки. Хорошо, если баба попадётся, а ежели хлопец? А ежели у него Калаш на боку?

И понеслась.

... И был Соломону сон, что Загеркулесовый Флот wpłyвает в родное всем евреям Мёртвое море, за которое поколения жизни свои отдавали, и мордатые Загеркулесовцы жрут свою некошерную Геркулесовую кашу на священных камнях Мертвоморских набережных.

Вскочил Умный Соломон весь в поту, перья от подушки, покусаной в волнении, из зубов повыковырял и повелел:

– Быть Примертвоморью снова навеки с Матерью Израильщиной. Тем более, что они и сами этого давно желают. (Что, как подчеркивает в сноске дотошный Летописец, есть на самом деле правда, хотя и имеются отдельные свидетельства противоречащие этому утверждению.)

Тут же, в одночасье почти по древнему описываемому времени, то есть чуть ли не за месяц, состоялись в меру свободный референдум об отсоединении, и не в меру дружное голосование о приятии в лоно.

И стало так. И был вечер, и было утро, когда все израэлиты снова проснулись в другой стране...

<<<<<>>>>>

...Тут Летописец умолкает, вытирая стило своё полою расшитого халата. Летописи никогда не оканчиваются, пока Реки Времени и Народов катят воды свои всё вперёд и вперёд. И нельзя в них войти дважды. И нельзя в них найти того, чего уже не было с нами или не с нами...

Но пока не наступил новый вечер, неумолимо превращая Сегодня во Вчера, читай, мой терпеливый читатель, Новости Дня и думай. В конце концов, для этого нам и дано кипой прикрываемое место.

Амен.